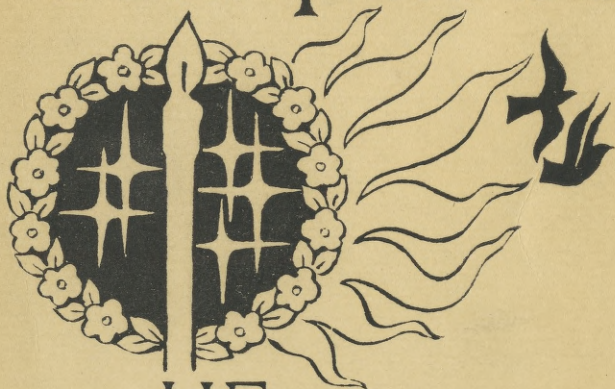

Георгий Некрасов

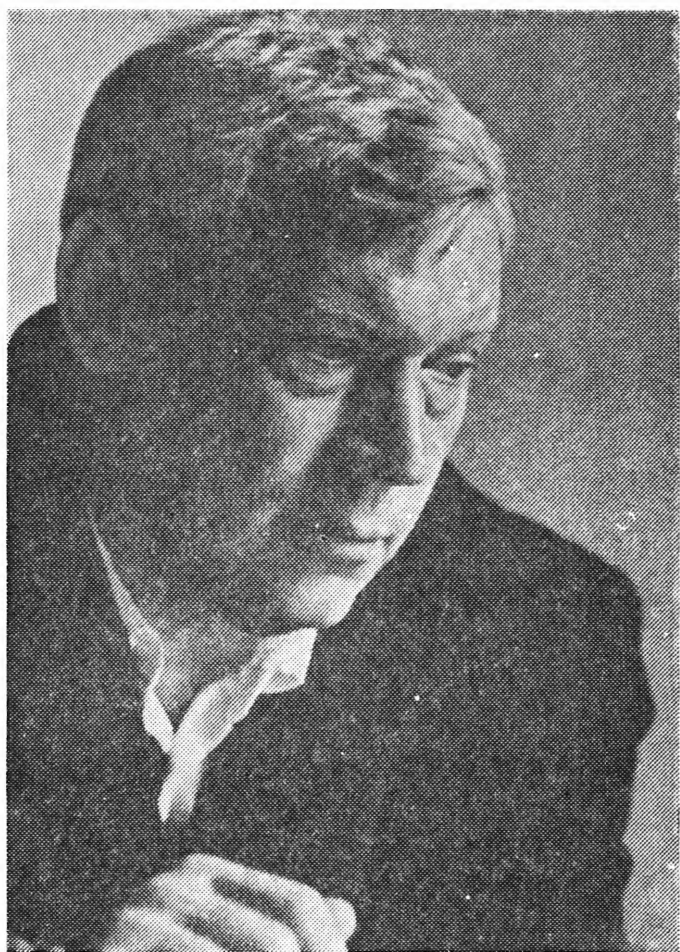
НЕ
ПРОЙДИ
МИМО
ГОРЬКОЙ
ПЕЧАЛИ

Георгий Некрасов

НЕ
ПРОЙДИ
МИМО
ГОРЬКОЙ
ПЕЧАЛИ

Стихи

Санкт-Петербург
1992

ВСЁ ОТ ЛЮБВИ . . .

Печально, что Георгий Некрасов уже не увидит этой любовно собранной книги. Он ушел от нас 13 ноября 1990 года. Ему довелось пройти долгий и непростой путь — был поэтом комсомольской романтики двадцатых-тридцатых годов, активным участником Великой Отечественной войны — морским офицером, журналистом, многолетним редактором в газетах, журналах, издательствах. И всегда писал стихи, из которых многое в печать не отдавал из душевной требовательности.

Он был человеком прямым и принципиальным, до конца отстаивавшим свои убеждения. И добрым старшим товарищем для молодых поэтов, знавших его по трудным временам. Георгия Некрасова часто называли поэтом Невской заставы, с судьбой и трудовыми людьми которой его связывала многолетняя дружба. Им написано много поэтических сборников. В последние годы, уже будучи больным, он упорно работал, искал, как он метко сказал однажды, «то, что делает песню песней . . .». И ему открывались эти секреты поэтического обаяния в стихах о любви, о Ленинграде, таком дорогом для его сердца городе, о трудах человеческих на этой земле . . . «Здесь все от любви . . .» — так назывался его сборник сонетов, вышедший в 1976 году. Это определение можно бы отнести и ко всему творчеству Георгия Некрасова.

Мы глубоко благодарны вдове поэта, Нине Константиновне Некрасовой, без помощи которой эта книга не увидела бы света.

Семен Ботвинник

I

БУДЬ СОБОЙ...

Если я не вернусь из больницы,
Не печальтесь: не спорят с судьбой.
Может, лик мой кому-то приснится
Ярко — в первый раз, бледным — в другой.
И погаснет, как гаснет в рассвете,
Звездный путь завершая, луна.
Что для жизни видения эти? —
Их вычеркивает она.
Неужели никто не захочет
Вечерком не спеша заглянуть
В мир моих стихотворных строчек
И найти для души что-нибудь?
А найдет кто — вернусь с того света
И прижмусь незаметно к стене,
Буду слушать его в тишине . . .
Я ушел без надежды на это.
Подарите надежду мне.

Холод, неуютность — все знакомо,
Только это в наши дни не в счет.
Даже вид один родного дома
В трудный час нам силу придает.
Я отдал бы без раздумья ныне
Самый лестный перезвон молвы
За один глоток прохлады синей,
Ветром налетающим с Невы.

* * *

Преодолев земное притяженье,
Мы словно отказались от земли:
В родимых весях мрак и запустенье,
Где хлеб растили — лес и ковыли.

Стоит оратай со сгорбленной спиною.
Не он виной, что жизнь полна бедою,
Обиды, боль приученный терпеть,
Следит он за искусственной звездой,
Свою никак не может разглядеть.

* * *

Мы говорим: Когда б десяток лет
Нам сбросить с плеч . . . — Конечно понимаем,
Что впереди уже резервов нет —
И мы все чаще вечность вспоминаем.

Но этому идя наперекор,
В грядущее бросаем смело взоры
И даже верим: вспыхнувший задор
Сумеет, если надо, сдвинуть горы.

Такое — просто на душу елей.
Желанье же вернуться к прежней силе
Не значит ли в подспудности своей,
Что жизни десять лет просутили?

В нашей жизни нелегкой сердцем словно немеет:
Никому ничего мы прощать не умеем —
Ни ошибки, ни фразы, сгоряча зазвучавшей
Не в сегодняшней спешке, не в спешке вчерашней.
Мы на горькое слово ищем слово погорше,
И выходит тот прав, в ком настырности больше.
И расходимся мы, разобщенные сшибкой,
Не заметив, что зло провожает с улыбкой.

* * *

Обиду, как гвоздь, в твою душу забили,
И, мучаясь, вырвать ее ты не в силе,
И боли в душе нарастают приливом
От мысли: обида несправедлива.

Ты в городе светлом, родном и огромном
Блуждаешь как будто по улицам темным,
Где в подслеповатом фонарном свеченье
Лица твоего не видать выраженья.

Часы и дни, я знаю, никогда
Мне не удастся сговориться с Вами:
Уходит время, как в Неве вода
К слиянию с балтийскими волнами.
Когда, как мраком, сдавленные дни,
Томящие сомненьями, тоскою,
Сменяются вдруг светлыми они,
Хочу продлить их, воспарить душою
И совершить, что совершить не смог.
И кажется, уже я близок к цели.
Но день опять укутался, как в смог,
И вновь сомненья и осечка в деле.
Прекрасные мгновенья не сдержать —
Известно всем. Тогда не потому ли
Они, настроив нас, уходят вспять,
Чтоб взвесив все, мы наконец дерзнули.

* * *

В восторге что угодно померещится,
Любую смело перейдешь черту.
Мне показалось, я иду по лестнице
На самую большую высоту.

Ветра передо мной гудят и кружатся,
И что ни шаг, заманчивее путь:
Я облако приветствую по-дружески,
Могу и в душу солнца заглянуть.

И потому, что нынче я удачливый,
Взахлеб вдыхаю радость бытия,
И верилось, что люди так же счастливы,
Как нынче бесконечно счастлив я.

И вдруг увидел: пробивая просеку
Средь сотен ног, не поднимая век,
На деревяшке, легшей на колесики,
Грохочет по асфальту человек.

Он двигался сквозь взгляды неотрывные
Толчками рук и тела своего,
Собой являя горе неизбывное.
Но горе только ль в образе его!

Железный рокот, как тревога, мечется,
Покой сметая с жизненных дорог.
И я упал с придуманной мной лестницы,
И думать без стыда о ней не мог.

* * *

— Бери от жизни все, что только можешь,—
Внушает кто-то, и берешь сполна...
Но ляжешь спать когда, попробуй подытожить:
Что жизни дать сумел и что дала она,
В чем отличился ты? Каких-то дел огрызки.
Перед собой хотя б не прибегай к приписке —
Убогому творенью прошлых дней.
И если же заснешь без снов кошмарных,
Где гонят на позор таких неблагодарных,
Тогда, при всей дотошности своей,
Не жди удач и не вини людей.

* * *

Вчера штормило. Ветер выл по-волчьи.
Сегодня — солнце славит гладь воды.
И словно пены неразбитой ключья
Плывут от нас раскрошенные льды.

И вместе с ними в солнечном сияньи
С широт, еще неведомых вполне,
Летит навстречу Арктики дыханье,
Ознобом пробегая по спине.

* * *

Жизнь, как экспресс, и день и ночь в пути,
И нас она уносит за собою.
И времени, ей-богу, не найти
Побыть хоть час наедине с душою.

И все же наступает миг такой,
Когда заметишь: чем-то ты встревожен,
А сердце наполняется тоской . . .
Понять себя стремишься и не можешь.

И словно небо вдруг тебе шепнет . . .
И объяснений ты других не ищешь.
И, отрешившись от дневных забот,
Спешишь заветной тропкой по кладбищу.

Где вечность свой раскинула покой,
Березы тихо сеют мрак зеленый,
И вот два холмика перед тобой,
И ты пред ними с головой склоненной.

С ушедшими ты здесь душою слит,
Вверяешь им о чем душа болит,
Как будто нету смертного порога,
И веришь: их молчанье говорит,
И говорит оно тебе так много . . . !

Когда же ты уходишь в шум опять,
То кажется, как в давнее былое,
Тебе желают и отец, и мать
Успехов и сердечного покоя.

* * *

Я слышу: как красива седина!
Как серебро старинное она.
Когда к закату близок человек,
Пусть седым он свой закончит век,
Напоминая: мол, таким и был
Три века отмахав, Муфасанл.
Когда ж в привычной суете сует,
Седого вижу в двадцать с лишком лет,
Бросает в дрожь. Такая седина
Не красоты, а горести полна.

* * *

Взмахнул рукою дирижер седой,
И сразу скрипки взяли за живое,
И зал с торжественною белизной
Торжественней мне показался вдвое.
В родстве с зарей мелодия была,
Она росла, все делала яснее,
Чем жизнь богата — от добра до зла —
И я, закрыв глаза, сливался с нею . . .

В душе, как счастье, берегу свое
Я, музыку, которая со страстью
Прекрасным осеняет бытие,
И кажется, что люди без нее
Людьми считаться могут лишь отчасти.

* * *

Стеной летят снегов куски,
Залив совсем пропал из глаз,
Гудят тревожно маяки
За разом раз, за разом раз.
И что ни миг — тоска все злей,
Неотвратима, словно снег.
И кажется: в слепящей мгле
Тоску несущий один за всех.

* * *

Под окном поет синица,
Зорька рушит снов полет.
Не случайно говорится:
Рано вставшим — бог дает.

На зиме поставив точку,
Теплой синью смотрит ввысь,
Дружно лопаются почки,
И готова вспыхнуть мысль.

Что важнее в этом дне?
Почкам солнышко подскажет,
Сердце даст задание мне,
Что-то светлое расскажет.

* * *

О, если б не стихи, жилось бы как — не знаю,
Когда и в тьме ночей, и в ярком свете дня
Все кажется иду у пропасти по краю,
Которая вот-вот возьмет меня.
Но я еще могу газетные страницы
Раскрыть, ворваться в шум сегодняшних тревог
И вдруг почувствовать, что рядом стих томится
И властно требует отточенности строк.

Воображению даю простор и волю,
Чтоб образ мысли мог ее достойным стать,
И лист тетрадный уже подобен полю,
Где бой упорный слов за право прозвучать.
Слежу за ним взволнованной душой —
И забывается, что пропасть предо мной.

* * *

За каждый день теперь благодарю
Свою судьбу, когда я на зарю
Смотрю в сиянии различных красок,
И кажется, что вместе с ней парю
Над городом, уже гудящим басом.

И в пламенном горении небес
Берет надежда смело перевес
Над чувством неизбежного прощанья.
И верю я, все, что живет окрест,
С моим сейчас сопряжено дыханьем.

Не на зарю разводя туч плывут —
Дождем набитых, сумрачных и душных,
Как будто роковой крадется спрут
Петлей мою сдавить навечно душу.

* * *

Уходит жизнь, как облако косматое.
За ним слежу я, взгляд не отводя,
И сыплют, солнцем на лету объятые,
Живительные капельки дождя.

Промчится лето, уступая осени,
Морозы, отскрипят, весна дохнет,
Такое ж облако влывет в просторы просини
И дождь сквозь солнце ринется с высот.

Сроднятся с серебристыми потоками
Проспекты и над ними синева,
А надо мной уж, может быть, высокая
Шептаться будет с дождиком трава.

НОЧЬ

За окошком фонарь чуть светится.
Ночь прихлынула — собеседница
И подруга, верней которой
Я за жизнь свою не встречал.

В откровенных с ней разговорах
Зарождение всех начал.
Оплетенные мненьями разными,
Справедливыми, несуразными,
Мои книги стоят на полке —
Мысли, чувства за столько лет!
Ночь, тебе я обязан только,
Что явились они на свет.
Осеяла ты вдохновеньем
Для минувшего впечатления,
И с тобой находили вместе,
Как геологи изумруд,
То, что делает песню песней,
Без чего стихи не живут.
А теперь надо мною властвуют
Порошки, пузырьки с лекарствами.
Холостые они заряды
В неотступной битве во мне,
Наступают врагов отряды,
Видно, скоро конец войне.
Ободряющие речения
Разве могут теперь помочь?
Уведи меня без мучения
В бесконечную ночь.

ЛЕНИНГРАД

Как будто знали:
Жребий громкой славы
Тебе нести в столетьях предстоит.
И ты поднялся
На краю державы,
Одетый в бронзу
И седой гранит.

Чтоб не скудеть
Твоей красе и силе,
В проспектов ширь,
Которым нет конца,
Надежнее гранита мы вложили
Свои все испытавшие
Сердца.

* * *

С усталостью
Ведем мы вечный спор.
Работаем,
Но кажется — все мало.
Мы — как перенасыщенный раствор,
Дарующий
Причудливость кристалла.
Едва его коснется
Солнца взгляд,
Цветком он вспыхнет
В пробужденной рани.
И так же удивительно горят
Уменья человеческого
Грани.

«ФОБОС»

Крутится Земля, как школьный глобус,
А с высот, достигнутых за год,
Станция стремительная «Фобос»
Четкий разговор с Землей ведет.

И она все ближе, ближе, ближе
К маленькой планетке неживой,
Очень уж похожей на булыжник,
Брошенный космической рукой.

И стирает «Фобос» постепенно
С Фобоса таинственности знак.
И выходит: нам без тайн Вселенной
На Земле не обойтись никак.

Мы в делах небесных тароваты.
Не даем в одном себе труда:
Слышим голос дальних аппаратов,
А друг друга слышим не всегда.

* * *

На свете земли есть куда красивей,
А небеса синее и теплей,
Но счастлив я, что был рожден в России,
За Невскою заставою моей.

Я детства беззаботного не ведал,
И после не встречал простых дорог,
И все ж не мог, превозмогая беды,
Послать ей даже мысленно упрек.

Чтоб дать мне то, что дать она хотела, —
Не отрывалась день и ночь от дела,
Бросалась и к оружию не раз.

Она, как мать, свое сдержала слово.
И вот стою пред ней седоголовый,
И слезы радости бегут из глаз.

* * *

И. И. Садофьеву

Во мне течет и силу в сердце множит
Густая кровь с железом пополам.
Со мною в жизни все случиться может,
Но стынуть ей пока живу, не дам.

Она неугомонна, дерзновенна,
И чем труднее дело — горячей,
Не потому ли, что пылать бесценно
Училась у мартеновских печей.

Еще весь мир от скверны не очищен,
Живое с мертвым продолжает бой.
И, как отцы, покоя мы не ищем:
Он был бы отступлением — покой.

* * *

Я много раз твой покидал порог,
Послушный зову жизненных дорог.
Нас уводить у них святое право.
Но где б я ни был — в сердце я берег
Твой образ, Невская застава.

С тобой я породнился навсегда,
Как с берегами звонкая вода,
Как дерево с кормилицей землею,
Как радость всетворящего труда
С рабочей узловатою рукою.

* * *

С утра до вечера нас окружают люди,
Мы судим их, они нас тоже судят.
Встречаем чутких и с душой холодной,
Нечестных, и завистливых, и злых.
И все-таки скажу когда угодно:
Людей хороших больше, чем плохих.

А если бы наоборот все было,
Как выглядели б наши дни уныло!
Но жизнь цветет и щедрое цветенье
Нам обещает в даях заревых.
Что ни толкуй в порыве возмущенья —
Людей хороших больше, чем плохих.

Жизнь — это поле, данное в наследство,
Где зелены и сорняки в соседстве.
Все ж зеленя встают над сорняками
И хлеб готовят в колосках тугих, —
Они как люди с добрыми сердцами.
Людей хороших больше, чем людей плохих!

* * *

Плетется старость за тобой и мной . . .
Ты, кажется, в приход ее не веришь.
Но будет день:
Настойчивой рукой
Она к нам постучится,
Мы с тобой —
Что спорить с нею! —
Приоткроем двери.
Она войдет, чтоб не покинуть нас,
И, как хозяйка,
Примется за дело:
Сердца остепенит,
Потом у глаз,
В руке зажав невидимый алмаз,
Начнет морщинки наводить умело.
И в этом удивительного нет —
Неотвратимы годы увяданья.
Но только б мыслей животворный свет
Вдруг не померк еще за много лет
До нашего последнего
Дыханья.

* * *

Сосна

(по-латышски — приеде)

Вызванивает в тишине:

«Дай слово, что снова приедешь
Ко мне и к балтийской волне».

За годы блужданья по свету
Мне слышать не раз довелось
Звучанье призывное это
От речек, полей и берез.

Их голос, летящий как с неба,
Я в сердце с любовью берег,
Но ехал туда, где я не был
И где побывать я не мог.

Так что ж мне ответить приеде,
Роняющей иглы в волну?
«К тебе я, конечно, приеду,
Дай только объехать страну».

ВЗРЫВ ПЛОТИНЫ

Кажется, за многие года
Я живу как человек впервые.
Долго черной тучей шла беда,
А потом давили дни глухие.
Но отбросил глухоту в зенит
Взрыв упорно строенной плотины
Из молчанья, как из тяжких плит,
У подножия обросшей тинной.
И попала вдруг в водоворот
Жизнь моя, и, что ни день, он круче,
Сердце то взлетит, то упадет,
Это сердце и бодрит и мучит.
Значит я воистину живу!
И мелькает часто мысль такая:
Все, что происходит наяву,
Лишь в ночи я видел, засыпая:
В полководье площади людской
Микрофоны наконец-то вышли;
Будни со своим всегда лицом,
Люди не похожи в своих мыслях.
Истину все ищут, а она
Ходит и заглядывает в лица,
Ждет, когда бурливая волна
Схлынет, чтоб пред ними объявиться.
Их она не хочет осуждать:
Высказаться — дела половина . . .
Только бы не выросла опять
Из молчанья прежняя плотина!

БУДЬ САМИМ СОБОЙ

Все, я к чему давно привык,
Вдруг обрело другой язык —
И мудрый и простой:
Дома, деревья, чаек крик,
Машины в ярком свете блик,
Бегущие чредой,
Взывают:
— Будь самим собой!

А ведь совсем в недавнем дне
Мир равнодушен был ко мне,
Хоть жил в своей красе.
Дома, деревья, чаек крик,
Машины в ярком свете блик,
В проспектах, на шоссе
Взывали:
— Будь, как все!

И я таким, конечно, был.
Душа, хоть не имела крыл,
По-своему жила:
Тому, что жизнь внушала ей,
Сопротивлялась все сильнее.
А больше — что могла?

Еще измятая, она
Теперь так с жизнью сплетена,
Что не разлить водой.
Лишь встанет утро за окном,
Она мне солнечным лучом
Внушает:
— Будь самим собой!

Не все проклиняйте, что было,
Проклятью есть тоже предел.
Зерно, заряженное жизнью,
Умей отделять от плевел.
Когда рукава засучили
Страну выводить на подъем,
Был строек бетон многотрудный
Замешен на поте людском,
На хлебе, что недоедали,
На дрожи от тачки в руках,
На скученности коммуналок,
На душных барачных ночах,
На невыполнимых желаньях
Полакомить в праздник мальцов,
На самой невзрачной одежде,
На смехе заморских купцов . . .
Когда же, как в годы Батяи,
Топтали невинных людей,
К бетону прибавились слезы
Терявших отцов, сыновей.
И все это было похоже,
Иначе сравнить не могу,
Как только с самосожженьем,
С идеей заветной в мозгу.
А вскоре судьба предписала
Им встать на защиту страны.
И знает одна лишь Победа
Всех павших в годины войны.
На тех же добавках суровых
Крутых довоенных времен
Для фабрик, заводов разбитых
Замешивали бетон.
На этих людей бы молиться —
Им горький достался удел.

Зерно, заряженное жизнью,
Умей отделять от плевел.

* * *

Виктории

Невелик еще покуда рост твой —
Пять на свете повидала зим,
Но тебя уже я вижу взрослой,
По душам давай поговорим.

Поучать не буду, не косись ты,
Кто не знает: в восемнадцать лет
Все до удивления ершисты,
Есть, мол, на любой вопрос ответ.

Я хочу, чтоб ты была счастливой.
Помни легкомысленным назло:
Даже птицы выводок крикливый
Учат становиться на крыло.

Что ни день, то воздух им покорней.
На полеты глядя молодых,
Видим, что они смелей, проворней
Опытных родителей своих.

* * *

И мысль великую вберет в себя строка,
Как ни была б она предельно коротка,
Когда умело ясность ты придашь ей.
И Родина, пусть очень широка,
Вмещается с рожденья в сердце наше.

* * *

По асфальту мокрому иду я.
Он чернее ночи. И на нем
Звезды золотые — листья клена
Негасным светятся огнем.

Я иду как будто по Вселенной.
Вот передо мною Млечный Путь,
Ковш большой, свои раскинув звезды,
Словно хочет неба зачерпнуть.

Светится созвездье Ориона,
Видится созвездие Тельца...
А в лицо пыльца бьет дождевая,
Верю — межпланетная пыльца.

И несет меня воображенье
По орбите, скрытой темнотой,
И следит внимательно за мною
Шар земной в расцветке голубой.

Видно, душ космической эпохи
Что-то в нас за годы изменил —
Мы глядим уже не так, как прежде,
На зовущий огонек светил.

РОССИЯ

Гнездовье делая, проворная гагара
В замшелой впадине взметнувшейся скалы,
В которую стремят размеренно удары
С косматой пеною полярные валы,

Самоотверженно, презрев и боль и ветер,
Рвет пух с себя упорно день за днем
И устилает им гнезда сухие ветви,
Чтоб выводку тепло, уютно было в нем.

Россия, так и ты, когда сложилась дружба
Республик, где года замедлили свой бег,
Все отдавала ты, сама жила натужно,
Чтобы скорее их ввести в двадцатый век.

С тобою наравне теперь года листают.
Не любишь ты свои щедроты вспоминать.
О, если бы, как пух гагары, выростало
И достояние твое, Россия-мать!

* * *

О чем бы мы теперь ни говорили,
Все сходится в одном: как дальше жить?
Не по душе нам быть, какими были,
Но чувствуем, какими надо быть.

Пути свои мы ищем, словно робкий
Ручей, едва родившись, путь к реке.
Чтоб с нею, обогнув леса и сопки,
Прорваться к морю в дальнем далеке.

Мы тоже к своему пробьемся морю,
Сольется где (Да будет светлый час!)
Все лучшее, что в каждом есть из нас,
Что сохранили, несмотря на горе,
Сгибавшее любого много раз.

Войдем в него достойно, безвозвратно,
И смоет с нас, не обещав покой,
Минувшего бледнеющие пятна
Живой духотворящею волной.

* * *

Ах, речки Черные, ах, речка Оккервиль!
Знавал я вас, бегущими сквозь ивы
С улыбкой солнечною к Финскому заливу
И с брызгами ребят. Живая сердцу был.

Легко дышалось тут. Казалось, рядом нет
Большого города на горизонтной бровке.
На речке Оккервиль не раз встречал рассвет
И удочка дрожала от поклевки.

Где ивы, люди где? Не верится глазам:
С расцветкой бурою передо мной водица,
Как будто бы сумели где-то там
Смешать в ней Менделеева таблицу.

И хочется кричать, залив покуда жив:
«Бегите, речки, вспять, чтоб не травить залив!»

САМСОН

Охвачен стужей парк Петродворца.
Гудят ветра, предвестники метели.
В аллеях, не имеющих конца,
Деревья ждут веселые капли.

Кругом снегов искрящийся наряд,
А от прокатных суетных стоянок
Девичий смех восторженно стремят
Парнишки на запятках финских санок.

Большой каскад, где летнею порой
Из золотых созданий с звонкой силой
Летят фонтаны, веет немотой:
И звон, и блеск футляры погасили.

Один Самсон над белизной снегов
Стоит, как будто глыба золотая,
Пасть львиную в течение веков
В великом напряженье раздирая.

Он русской воплощение судьбы —
Могучий, непреклонный и отважный,
Не сделавший ни шагу без борьбы
В истории своей, порою страшной.

И вспоминаю, стоя перед ним,
Что в сердце поколений мы храним:
С Мамаем бой, нас одаривший славой,
Победный бой со шведом под Полтавой,
И ярость битв с захватчиком другим —
С фашистской, нами конченной, оравой.

* * *

Искристый иней рощу оковал.
Блестит дорога розовым накатом.
Мороз крепчает. Край небесный ал.
Кругом снега подожжены закатом.

Спешит машина сенною горой
На фоне багровеющего света,
И тянется за нею полосой
Густой, как в жаркий полдень,
Запах лета.

* * *

Когда зрачки снуют, как челноки,
В глазах, сидящего перед тобою,
И на тебя, проворны и легки,
Летят слова о дружестве, не скрою:
Боюсь я, что забудешь ты опять,
Ему на радость, а себе на горе,
Что могут эти челноки соткать
Такое, от чего ты взрогнешь вскоре.

* * *

Представь: гигантские весы перед тобой —
Природа на одной из чаш. Другая
Цивилизацией заполнена земной,
В ней человек у гибельного края.

Весов незыблемость хранил столетий строй,
Но чаша переполнилась вторая
И вниз пошла, и, словно род людской,
Природа мучается, увядая.

Одна судьба теперь у нас и у нее,
А нам все не сдержать безумие свое,
Она же выровнять весы уже не в силе.

Глядит на нас ее вопрос немой:
«Что ж сделали со мною и с собой?»
Не стал бы шар земной владеньем мертвой пыли.

* * *

Мне по сердцу не ветер верховой,
А тот, что от земли стволы качает.
Задался целью — позабудь покой,
В дерзанье будь упорен и отчаян.

Без риска души вянут, как цветы,
Воды не получающие вволю.
Быть может, и сорвешься с высоты,
Но кто же упрекнет тебя в безволье? . .

Ударил ветер. Падает сосна,
Могуча с виду, бронзово-красна,
А под корой давно трухую стала . . .

Но если и в паденье сохранил
То, без чего тебе и свет не мил,
Приободришь и все начни сначала.

Жалеть меня не надо в трудный час,
Понять, ей-богу, непростое дело
В такой момент: кто всей душой за нас,
А кто играет в искренность умело.

Сочувствующих глаз не рассмотреть,
Не уловить и голоса оттенки,
Когда тревога, злее чем медведь,
Сердечные во мне корежит стенки.

И все же боль, растущая в груди,
Вселяет в мысль и силу, и движенье,
Чтоб выход самый правильный найти
В безвыходном как будто положении.

Пусть эта боль в душе перегорит:
В кипенье недр рождается гранит.

* * *

Большой реке дана большая слава.
А где-то по лесам, среди полей
Бегут, бегут, не проявляя нрава,
Речонки в неизвестности своей.

Они не оглашаются гудками,
На берег волны гонят не спеша
И только слышат днями и ночами
Чуть различимый шепот камыша.

Без них давно бы высохли луга,
А там, где лес, была б земля нага,
Не стать бы и большой реке большою . . .

И катит речка всплески серебра,
Сама не зная, как она щедра . . .
Нам есть над чем задуматься с тобою.

* * *

Есть мудрость равнодушных: ни к чему
Мне лезть туда, куда меня не просят,
Важнее, чтоб и в сердце, и в дому
Всегда покой был неизменно прочен.

Есть и такая мудрость: день за днем
Идти по жизни с поднятым забралом,
Чтоб никогда не мог ты и ни в чем
Себя обжечь упреком запоздалым.

К мирку сведя необозримый мир,
Живет спокойный, набирая жир,
Стремясь не слышать вечных бурь раскаты.

Но жизнь неукоснительно ведет
Поступкам каждого железный счет,
Неотвратимо требуя оплаты.

* * *

Я в жизни духом падать не привык.
Но если что-то слишком растревожит,
Блокадный раскрываю свой дневник
И становлюсь на тридцать лет моложе.

Сквозь выцветшие строчки предо мной
Пробьются зарев красные наплывы,
Услышу бомб невыносимый вой
И землю сотрясающие взрывы.

А на рассвете в грудах кирпичей
Раскапывали близких и друзей
Под небом, розовеющим тревожно . . .

И вот, опять пройдя кромешный ад,
Я говорю, в сегодня бросив взгляд:
Чего ж еще пугаться в жизни можно?

* * *

В туман рассветный вплыл осенний сад.
Как призрак, дуб стоит полураздетый,
Берез прозрачных свесился каскад.
Наложено на все цветенье вето.

На лужах скоро заблестит ледок.
К зиме уже пора готовить сани.
Но, словно лета красный огонек,
Мак запоздалый светится в тумане.

И человек с холодной душой,
Хоть и глядит вокруг себя надменно,
Не ведает, так занят он собой,
Что доброты фонарик золотой
В какой-то миг в нем вспыхнет непременно.

* * *

Это замечаю я порою —
К горлу сразу подступает ком:
Старцев, убеленных сединою,
Молодость встречает со смешком.

— Наше время, мол, совсем другое,
Дел по горло, только успевай. —
Словно старцев жизнь прошла в покое
И дареный ели каравай.

Словно песни не о них сложили,
Где работа и огонь войны,
Где в легенды превратились были
Трудной биографии страны . . .

Годы шевелюры обесцветят,
Молодой потерян будет шаг.
Как они смешок в свой адрес встретят?
Впрочем, я догадываюсь как.

Пробурчат: «Мы жили не напрасно.
Разве не достойны добрых слов?»
И припомнят давних стариков.
И лицо стыда зальется краской.

* * *

Мы вошли в политику, как в воду,
Плывать не умея, черт возьми.
Что же удивляться, если сроду
Был раздел меж нею и людьми.

Хитрой нас риторикой кормили,
Наглухо замкнув в газетный круг,
А политики богами были,
Оставалось нам поднятье рук.

И, привыкнув к этим самым взмахам,
Чуть не захлебнулись глубиной,
Только мысль, свободная от страха,
Помогла остаться над водой.

Волны мнений пенным порогам
Шумами тревожными сродни.
Мы плывем не старую дорогой —
Найденной самими в эти дни.

* * *

Я смотрю на небо поздней ночью,
Неспокойный погасив экран.
Золото покрыло многоточьем
Бесконечный черный океан.

На душе и тяжело и тревожно.
Митинги во всех концах шумят.
Нации в сердцах неосторожно
Друг о друге нынче говорят.

Темная их взвинчивает сила,
Словно в омут, заводя в раздор.
Всех нас время горем наделило,
Вместе выходить нам на простор.

Золото не меркнет в небе позднем,
Свет струя с неведомых вершин.
Нации равны в бессмертье звездам
Хоть они и разных величин.

ВЕСНОЙ

Шагал я по шоссе. Его извивы
Стремилась вдаль, чернея, словно лак.
Налево — глянец Финского залива,
Направо — сосны, ели, березняк.
Подался я неспешно в глубь лесную,
Где, кажется, сама листва поет,
И только тут почувствовал весну я,
Почувствовал души свободный взлет.
Я шел и шел. Но шорох еле слышный
Остановил. И следом — треск сухой.
Кустарник рядом разбросался пышно
Среди осин, сплошную полосу,
Я раздвигал бесшумно веток чащу.
Но сердце приказало вдруг: стоять!
Застыв в своем молчании кричащем,
Увидел то, что лучше б не видеть:
В траве багровой рыжая лосиха
Лежала с освежеванным бедром...
Лосенок, не поняв, что рядом лихо,
Искал соски с пахучим молоком.
От слабости он падал то и дело,
Дрожа, вставал и за свое опять.
Холодным глазом на него глядела
Молчаньем смертным скованная мать...
Убийца, может быть, охрипшим басом
В компании, где правит пьяный пыл,
Кричит сейчас, лесным нажравшись мясом:
— А славно я лосиху уложил! —
Мне было и мучительно, и тошно.
И ясно слышал в лиственной молве:
«Природы царь, когда же в лес войдешь
ТЫ
С царем, как говорится, в голове?!»

НАЕДИНЕ С ЦВЕТАМИ

ГЛАДИОЛУСЫ

Он породы богатырской,
И о нем по праву речь.
Гладиолус по-латински
Означает слово «меч».
Он как вытащен из ножен
Солнцем летнею порой.
На любой он вкус размножен
И, смотри, хорош любой!
А цветы на них, как искры:
То пунцовы, золотисты,
То чуть тронуты зарей,
То нежнейше-голубые,
То сиренево-густые,
То пленяют белизной.

Человек, что в дальней дали
Окрестил цветок мечом,
Выводя его, едва ли
Был войною увлечен.
Жил, скорей всего, мечтою
Этой прелестью сказать:
И бессмертной красотой
Можно в жизни побеждать —
Красотой земли цветеньем,
Красотой души своей,
Трудолюбьем, вдохновеньем,
Красотой жизни всей.

ПИОНЫ

Пионы, словно солнцем раскаленные,
Над лиственной кущею парят.
Им верится: коленопреклоненными
На них цветы увядшие глядят.

И в каждом лепестке цветка багрового
Мне видится насмешливая спесь,
Как будто время с вековечным норовом
Позволило им бесконечно цвести.

Все хорошо, когда свежо и молодо,
Но дни идут, свершает время суд.
И вот, глядишь, под налетевшим холодом
К земле пионы тоже припадут.

Земля лежит уставшей мастерицею,
Дарящей миру зелень и цветы.
И почему земле не погордиться бы?
Но ей не до житейской суеты.

ШИПОВНИК

Обласкан он и солнцем, и дождем.
Над ним колдуют пчелы и стрекозы.
На каждой ветке заревым огнем
Цветы пылают — родственники розы.

Нас красота способна брать в кольцо,
И в этот миг рождается желанье:
Нарвать букет и утопить лицо
В его душисто-розовом дыханье.

Себя сдержат уж не хватает сил,
И тянемся к цветам . . . Еще немного . . .
И вдруг приходят в ярость сотни игл,
Шиповник словно бы кричит: «Не трогать!»

Дано ему такое неспроста:
Должна же защищаться красота.

* * *

А. Прокофьеву

Есть в словах всетворящая сила.
И они у тебя под рукой
Расцветают цветами России,
В них душистого полдня настой,
В них черемух веселая стая
Над безбрежным простором воды, —
Словно Ладоги волны, вскипая,
Белой пеной покрыли сады.
В перелеске, закате зажженном,
Вспоминаются строчки твои.
И закат, словно ими рожденный,
Прославляют вокруг соловьи.

А березка, сроднившись с тобою,
Шепчет ласково:
Что да что . . .
У нее поднывает порою
Пулей тронутое плечо.
Так же ноют и наши раны,
И любая из них свята.
Мы с боями вступали в страны,
Чтоб и там жила красота.
С детства ею замороженный,
Ты слагаешь стихи свои . . .
И закат, словно ими рожденный,
Прославляют вокруг соловьи.

КОСТЕР

Чтоб у костра уютно стало,
Чтоб он не теплился едва,
Знай: одного полена мало,
Другое дело — если два.

Когда весна велит скорее
Гнездо сложить в кустах, в траве,
Одна пичуга не сумеет,
Другое дело — если две.

А кто, не внемля силам жизни,
В свой срок любовь не пустит в дом.
Себя обманет и принизит,
Другое дело — быть вдвоем.

* * *

Поэзия, известно, не забава,
С ней ладить что ни дальше, то трудней.
И пусть наградой за нее не слава —
Часы волнений, отданные ей,
И тот момент, когда, страницы книги
Листая, кто-то взгляд не отведет
От строчек, что с души сорвут вериги,
И он почувствует души мгновенный взлет.
В ночной тиши себе представив это
(Не осуждай, тем и живут поэты!),
Я беспощадно правлю черновик
Ночь напролет, до самого рассвета,
Чтоб в строчки ложный пафос не проник.
И если наконец мне удастся
Слова с сердечной теплотою слить,
Мне кажется: поднявшегося солнца
В стихах трепещет золотая нить.

* * *

Жизнь восхищает и тревожит взгляд,
У каждого свой путь в движенье буден.
Все людям остается, говорят,
Но каждый ли оставит что-то людям?

* * *

Злость не красит людей. Это вижу
По тебе. Не крути головой.
Словно ломтик лимона, ты выжат
И лимонной покрыт желтизной.

Все не так тебе, все нетолково.
Почему, я никак не пойму,
Ты забыл, что есть доброе слово
И улыбка в придачу к нему.

Никого ты не любишь на свете,
А величьем не в меру томим,
Словно в мире один ты в ответе
За дела, что всем миром вершим . . .

Не гляди на меня с укоризной
И злоречьем не тешь свой язык . . .
Нет несчастней, я думаю, в жизни
Тех, кто верить себе лишь привык.

КУКУШКА

Я не знаю, много или мало
Песен спеть осталось на веку,
Но заметил: скуповата стала
Шалая кукушка на «ку-ку».

Впрочем, что мне до ее пророчеств!
И однако, не хочу я лгать:
Что-то мне упорно душу точит,
Лишь она кончает куковать.

И тогда опять ответ ищу я:
Почему во всех концах земли
Птицу безгнездовую вещуньей
С давних пор в народе нарекли?

Видно, потому мы ей внимаем,
Что на склоне отведенных лет
Сами очень ясно понимаем:
Нет у нас больших резервов, нет.

В молодости, полной ветром росным,
Если сердце не болит в груди,
Разве задается кто вопросом:
«Сколько жить осталось впереди?»

Смотрит старость и в мои ворота —
Только где о том кукушке знать!
И однако, душу точит что-то,
Лишь она кончает куковать.

* * *

Мы часто не щадим друг друга —
Бьем словом, тяжким взглядом бьем.
Ни сожаленья, ни испуга
В себе не чувствуем при том.

Мне скажут: «Это как ограда
Житейской правды — служим ей».
Служить, конечно, правде надо,
Но помни: правда для людей.

И потому в часы любые
Ты и служи ей по-людски,
Чтобы слова твои прямые
Не били пулями в виски.

Но все идет само собою:
Огонь туда, огонь сюда.
И вот уж сердца перебои,
И голова совсем седа.

А там, глядишь, и послесловье —
Последний вздох, последний взгляд . . .
И больно слышать, как с любовью
О нас, ушедших, говорят.

* * *

Обидели тебя иль обманули,
Иль там, где ждал тепла, ты встретил лед, —
Мгновенно, словно от удара пули,
Вдруг сердце боль отчаянно сожмет.

Обидчика окинешь горьким взглядом,
И вспыхнет мысль в нахлынувшей тиши:
Как может он, с тобой живущий рядом,
Не понимать ранимости души!

И ты ему, представшему незрячим,
Все выскажешь: мол, так тому и быть!
И в каждом слове, трудном и горячем,
Одна лишь правда будет говорить.

А сам-то понимаешь боль другого,
Когда ему бросаешь злое слово?

МЕЧТА

Мне подумалось как-то в минуты невзгод:
Я покой обрету, лишь мечта отойдет.
Но, оставшись один на один без нее,
Я почувствовал — замерло сердце мое . . .
И она, как на клич, прилетела ко мне,
Чтобы ожило сердце в рассветном огне.

* * *

Неудача...

Ну что ж, не впервые она
Захлестнула тебя, как морская волна.
Налетая, волна только тех и щадит,
Кто с ней спорить умеет, не пеной летит.
Выше голову, друг.
Погрустил — и вперед!
Ты победы считай, неудачи не в счет.
Сколько жить, столько лет быть отважными нам.
Скучно пеной лететь по житейским волнам.

* * *

Друзья смеются и не верят мне,
А я горжусь и утверждаю: прадед!
Губами ощущаю и во сне
Я правнучки каштановые пряди.

А наяву, в спокойных вечерах,
Я думаю, когда играю с нею:
Век двадцать первый пестую в руках
И, кажется, от радости хмелею.

Гляжу в ее веселые глаза,
Они искрятся голубым каскадом.
О, только б в них не хлынула гроза,
Что жгла нас и теперь таится рядом!

Каким же мир надежным должен быть,
Чтоб голубое тьмою не убить!

ОКНО

Памяти матери

Ты там, откуда нет исхода,
Где холмик обрывает путь,
Куда велением природы
И мы придем когда-нибудь.
Рассудком это понимая,
Смотрю на твой старинный дом,
И все мне кажется: тебя я
Сидящей вижу за окном.

И я готов в минуты эти
По маршам лестничным бежать,
Чтоб по-сыновнему приветить
И по-сыновнему обнять,
И заглянуть в глаза, в которых
И радость встречи, и печаль
(Вот, мол, и я вступила в пору,
Когда затмилась жизни даль),
И теплотой души отбросить
Твои печали за порог . . .
А ты спешишь задать вопросы:
— Ну как дела? Как ты, сынок?

. . . И эти слышу вновь слова я,
И сердце горечью полно.
Смотрю, глаза не отрывая,
На опустевшее окно.

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ В СОЧИ

Ты предо мной нежданно здесь возник.
Ты смотришь так взыскательно и строго.
И кажется мне сказочный цветник
Твоей, цветами убранной, дорогой.

Вдали морской синеющий разлив —
Живой мечты свободная стихия, —
Огнем крутые волны расцветив,
Несет к тебе созвучья дорогие.

Мне слова от волненья не сказать . . .
Мне кажется:
Сойдешь ты с пьедестала —
И холод и молчания печать
Отступят от сурового металла.

Пойдешь бульваром.
Над твоим плечом
Деревья будут шелестеть приветно,
Играя с ярким солнечным лучом,
На плитах отпечатывая ветви.
И в мраморе предстанет пред тобой
Простая девушка.
Она к прыжку готова
В неукротимый пенистый прибой, —
Ей с морем ратоборствовать не в новость.

Другую деву вспомнишь.
Боже мой!
Она в тени задумчивой крушины,
В далеком парке плачет над струей,
Бегущей из разбитого кувшина.

И ты поймешь, что жизнь уже не та,
И людям жгут сердца иные страсти,
И родины любимой красота
Покажется тебе в сто раз прекрасней.

Прихлынут волны к каменной черте,
Чтоб новый стих твой разнести по свету . . .
Не в этой ли несбыточной мечте
Завидное бессмертие поэта?

ПАМЯТИ БОРИСА КОРНИЛОВА

Пускай бы ты упал в бою —
Мне гибель война понятна:
Так отдавали жизнь свою
Твои герои в схватках ратных.

Пускай бы умер ты в ночи
На койке в сумрачной больнице, —
Хоть и кудесники врачи,
Но наша жизнь не без границы.

Тебя конец постиг другой:
В шинели человек суровый
Перечеркнул своей рукой
Твою судьбу единым словом . . .

А ты влюблен был в наши дни.
Ты сердцем уносился в дали,
Туда, где первые огни
Друзья на стройках зажигали.

И свет их,
Чтобы песней стать,
Ломая сон глубокой ночи,
Ложился на твою тетрадь,
Тепло даря созвучью строчек.

Мы брали в эти времена
Судьбу самой земли на плечи,
И вот запела вся страна
Твою, товарищ,
«Песнь о встречном».

Тогда-то и стряслась беда...
Но песнь жила, людьми хранима,
Хоть в песенниках никогда
Твое не называли имя.

И вот я вижу, как страна
Выводит,
Словно из подвала,
Затопанные имена, —
Их в жизни так недоставало!

Готов отбрасывая счет,
Как прежде
Молодой, сердечный —
Идешь,
И «Песнею о встречном»
Тебя приветствует народ.

ЛЕНИНГРАД 1941 г.

Как всегда, он цех покинул поздно.
Луны осколок был далек и мал.
И вдруг, рукой схватив морозный воздух,
Старик остановился и упал . . .
Его накрыла тень большого зданья,
Поземка начала плести венки,
И горькою слезою мирозданья
Над ним скатился звездный огонек.
Качнулся мир.
Из дальнего квартала
Снаряд пошел . . .
Метнулся снег на миг . . .
Не та ли это пушка грохотала,
Что утром ремонтировал старик?

II

БОЕВАЯ
ВАХТА...

* * *

Ты идешь по городу. Все тает,
Перспектива Невская ясна.
Мчатся в солнце трелетном трамвай,
В солнце стекла целого окна.
Сладкая весенняя истома,
Все дома дымятся от тепла.
Только знай, что здесь от дома к дому
Смерть скакала, стиснув удила.

* * *

Зенитки смолкают. И город родной
Опять привычно шумит,
А небо висит над сентябрьской Невой,
Как синий простреленный щит.

Последних разрывов чернеют дымки,
Ветра с известковой пылью.
И солнце впивается в стекло куски
На гулкой сухой мостовой.

БЛОКАДНЫЕ СТРОКИ

1

Друзья зайти не успевали.
Тепло их задушевных слов
Мне телефоны посылали
Перед отходом поездов.
Горело сердце, словно в ранах.
Я слушал, крепко трубку сжав:
Еще стоял в каких-то планах
Мне предназначенный состав . . .
Пытались в мужестве солдата
Друзья тоску свою облечь,
И я спокойно, как когда-то,
Им отвечал:
— До скорых встреч!

2

Слепая тьма.
За дальними домами,
Дрожа, встает в смятении ветров
Большое зарево.
Оно плывет над нами
И ширится, как пролитая кровь.
Часы полны тревогою суровой,
Часы полны печалей и утрат . . .
В окошках черных
Отблеском багровым
Ночь, словно птица, бьется до утра.

3

Проспекта настороженную ширь
 Загородили шлаковые глыбы.
 Как в потемневших латах богатырь,
 Взирает баррикада на пустырь,
 Чтоб здесь враги пробраться не могли бы.
 А перед ней —
 Мне это не забыть —
 Стоит в траве сентябрьской,
 Непоблеклой,
 Дощечка:
 «По газонам не ходить . . .»
 О, мирный день,
 Как близок и далек ты!

4

Я проходил вчера здесь.
 На окне
 Цветы клевали тюлевые птицы.
 Окна уж нет:
 В сомкнувшейся стене
 Застыл квадрат нацеленной бойницы.
 Он каждый миг убийственным огнем
 Готов был вспыхнуть,
 Рассыпая пули . . .
 И все-таки я вновь увидел в нем
 Окно и птиц,
 Взмывающих на тюле.

* * *

Два моря прошли туда и сюда
Сквозь бури шальные лады,
Сквозь белого поля разбитого льда
С разводьями черной воды.

Ни волны, летящие к небу горой,
Ни ветра безудержный вой
Меня не сумели посорить с тоской
Гнетущей, унылой, слепой . . .

* * *

Буфет к себе настойчиво зовет:
Быть может за посудой заваялась
Сухая корка хлебная. И вот
Надежда побеждает боль и вялость.
Звенят цветные вазы под рукой,
Высоких рюмок вспыхнувшие грани . . .
Ни крошки нет. Лишь темной пыли слой
И одурманивший поток воспоминаний.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Было очень темно. Катера
Возвращались к родному причалу.
В узкой бухте гудели ветра
И холодные волны ворчали.

Нам казалось, что нет ничего
Лучше сна в полумраке землянок,
Больше суток не знали его,
Катера не имели стоянок.

Мы не раз, и не два, и не три
Сквозь огонь прорывались упрямо,
Чтобы вместе с полоской зари
Наше знамя взвилось над Петсамо.

И не верилось как-то сейчас
В тишину, в молчаливые сопки.
И наградою первой для нас
Был размеренный грохот швартовки.

Мы спустились в землянок покой,
И курантов торжественным звоном
Репродуктор, пробитый войной,
Встретил нас, истомленных походом.

Сели молча. А сон — не пустяк —
Не спускал с нас дремотного глаза.
Закурили сигарки. И так
С нетерпением ждали приказа.

Вот и голос раздался Москвы.
К нам он шел, дорогой, лучезарный:
Хорошо поработали вы,
И за это страна благодарна.

Мы салюта послушали гром
И заснули. И нам до рассвета
Снилось, как польхали огнем
Над кремлевской твердыней ракеты.

ЗА ДВА ЧАСА ДО БОЯ

Качают волны длинный трап.
Вода ночных небес темнее.
В камнях прибрежных пены храп
То приглушенной,
То сильнее.

Гудят полярные ветра,
Гудят прогретые моторы.
Идут, идут на катера
Стрелки, разведчики, саперы.

Цигарки падают из рук,
Рисую огненные дуги.
И ящиков железных звук,
Передвигаемых с натугой.

Стирая пот с небритых щек
Видавшей виды рукавицей,
Жмут по-хозяйски горячо
Матросы руки пехотинцам.

— Давай, пехота, поскорей!
— Не горячись, морское братство.
Смотри — владычицей морей
Пехота может оказаться! . .

И, заглушая дружный смех,
За валом вал таранит сушу,
Полярный ветер сыплет снег,
Зенитки небо где-то рушат.

Который год они гремят.
Их голосов привычной нету.
И я подумал, бросив взгляд
На моряков и на солдат:
А кто увидит луч рассвета?

III

СОВЕСТЬ

РОК-КОНЦЕРТ

Вспышки света на эстраде.
Ритм грохочет, словно взрывы.
Дева в минимум наряде,
Потрясая рыжей гривой
Изгибается, кружится
То как смерч, а то как птица,
Микрофона провод черный
Вьется змейкою упорной,
В губы целится из рук.
Голос! выдала певица,
Как ужаленная вдруг.

И тогда вскочили с криком
С мест своих, вздымая длани,
Молодые с диким ликом,
Как в экстазе, пред закланьем.
Чуял сердцем: в этом шуме
Заразительно всевластным
Тонет нежность, меркнут думы,
Без которых юность гаснет.

Мне казалось: Взвейся слово
Зажигательное смело,
Они хлынут из-под крова...
На какое только дело?
Не дай бог, чтобы когда-то
Не предстала ваша удаля
Черной грубости раскатом,
Где сочувствия ждать будут,
Чтобы матери часами,
Зябко кутаясь в косынки,
Не роняли бы ночами

Из-за вас свои слезинки...
Не стерпев, сорвался с места.
В спину, словно бы толкали
Ритмы дикие оркестра.
Новый номер начинали.

ДОНОСЫ

И до сих пор мне снятся эти дни.
С утра до ночи о врагах трубили.
Подумать можно было, что они
Нас — двести миллионов — окружили.

Кому-то, где-то, что-то не сошло,
Расчеты, зависть всяческого рода.
И это подбивало брать стило
Строчить доносы палачам в угоду.

Росла никчемность, словно на дрожжах,
Всплывая на ответственных постах
И снова гибельной служила сетью.

Застенки набивали невпродых,
Освобождали тюрьмы для других
И пулею, и лагерною смертью.

* * *

Телевидение окно открыло
В мир руководящих, как святых,
То, что много лет загадкой было,
Сразу погасило святость их.
Мелкость душ предстала перед нами
И ума окостенелый вид,
И вальяжность, данная чинами,
Что пред нею гнуться всем велит.
Жизнь их обносила полной чашей,
Чашам не грозила пустота.
Их не волновала бедность наша,
Радовала наша немота.
Горько думать, что судьбой людскою
И богатством сказочным земли
Управляли, гордые собою,
Голые, как в сказке, короли.

* * *

Страшнее нет веры слепой
В идейно-красивые сказки.
Когда с ней сольешься душой,
Тебя поведет, как в упряжке.
Так в шахте, где каплет со стен,
Ходил конь по рельсовой ветке,
И, даже ослепнув совсем,
С углем волочил вагонетки.
Я схож был с подобным конем,
Партийным оракулам веря.
И вот, как пустой водоем
Себя ощущаю теперь я.
Чтоб горечь из сердца изгнать —
Зовут митинговые воды.
Другим бытие наполнять
Непросто в преклонные годы.
С нелегким я сердцем иду.
В нем гирей бывшее повисло.
Но движется жизнь на виду
С большим человеческим смыслом.

* * *

Ах как верили мы в его каждое слово!
Нас оно поднимало и на труд и на смерть.
Его имя, казалось, — нашей жизни основа,
Потому и достойно, как литавры, звенеть.

Я свой голос негромкий в этом шумном оркестре
Различаю. О, если б случай мог оборвать
Нить судьбы, прежде чем для восторженной песни
Хоть строку я успел в его честь написать!

Ледящими душу глазами бесшумно
Смотрит прошлое, не отступив ни на пядь,
Вопрошая меня и сурово и гневно:
«Почему ты был слеп?» Что могу я сказать?

Плыл по жизни, как рыба в косяковом согласье,
И попал в заколдованные невода...
И любая строка тех стихов громогласных
Мне покоя теперь не дает никогда.

* * *

Когда на деловой волне,
В благопристойной тишине,
С тобой толкуем мы часами,
Все ж подсознание шепчет мне:
Что за его стоит словами?

И ты в мою вникая речь,
Вопрос, я знаю, тот же прячешь,
Но не решаемся облечь
Его в слова и сбросить, значит.

А если разворот страстей
Дойдет до самой высшей точки,
Скрытое еще сильнее
Звучит в мозгу, под оболочкой.

Как будто человек второй
Живет в нас, отроду лукавый,
И бдительно, как часовой,
Свое он утверждает право.

Ведь понимаем, что скрывать,
Он и лозорит нас, и мучит,
Его мы гоним, но опять
Бубнит он голосом тягучим.

Как ни была бы жизнь красна
В чередованье наших буден,
Но с этим голосом она,
Поверь, счастливою не будет.

* * *

В эти черные дни, нагруженные горем,
Плачут реки в горах, плачут мудрые горы.
К ним пожарищ летит полный горечи запах,
И раскаты погрома, и разбойничьи залпы,
И рыданье людей, покидающих кровы,
По дорогам, пятнистым от пролитой крови...
Показалось мне: душу спасать в человеке
Горы двинутся в путь и кипучие реки.

ВЕНКИ НА НЕВЕ

Предо мной, устремляясь на стрежень реки,
По Неве, колыхаясь, проплывают венки.
Вот сплетенный из пурпурно-пламенных роз —
Брызг сверканье на нем, как сверканье слез.
А второй из цветов, еще помнящих луг,
Словно радуги две, слившись, сделали круг.
Третий был из ромашек. И поверилось мне —
Это солнце могло отдохнуть на волне.

И плывут, и плывут они в синюю даль,
Как живая любовь, как тоска и печаль.
И теперь помнят только или сын или дочь,
Как на «вороне черном» увозили их в ночь...

Все быстрее уплывает венков череда,
И хотелось во след прокричать мне: ВОДА!
Ты не знаешь преграды, ты во всем и везде,
Без тебя и травинке не подняться нигде.
Пройди глубь земные и бескрайнюю даль,
Донеси до невинных и любовь и печаль.

* * *

Протянутой руки не оттолкни.
Ему не просто руку протянуть.
Взгляни в глаза, уже давно они
Надежд забыли смелые огни,
Ничто его не освещает путь.

А сколько лет протянутой руки
На улицах шумливых не встречали, —
Не замечали: постовых свистки
Благопристойность улиц охраняли.
Нам верилось: повсюду тишь и гладь.
«Мы разучились нищим подавать».

Когда ж румяна хитрые сползли
С лица страны, и худоба открылась,
Нас, все понявших, словно повели
Среди, как будто вставших из земли,
Просящих оказать посылно милость.

И больно видеть: в ширь мировой
Сама страна с протянутой рукой.

* * *

Все «Долой», а «Да здравствует» что же?
Разум скручен эмоцией волной.
И выходит, что ломка дороже,
Созиданья в тревоге дневной.

Каждый выкрик, взывающий к душам,
Как в размахе тарана бревно,
Что не только отжившее рушит,
Но и то, что остаться должно.

Осмотришься в кутерьме этой громкой
И увидишь сквозь пыли туман
Справа, слева обломки, обломки.
Кто же двинет строительный кран?

* * *

Мы запрягаем долго, едем быстро —
Так говорили раньше. И сейчас,
Когда пора настала новых истин,
Пословица не покидает нас,

Вернее — се самое начало.
Смекает кое-кто, держа бразды,
Сосед подумал: в спешке толку мало.
И что-то выйдет из его езды?

Навстречу ветер бьет в лицо сурово,
И словно гасит за звездой звезду,
И скорость кони набирают снова,
Чтоб быть и завтра с временем в ладу.

Взывает даль рассвета позолотой.
А тот решил лишь распахнуть ворота.

* * *

Из родничков кристальных, словно слезы,
Мы силу брали долгие года,
И в летний зной, и в крепкие морозы
Они не умолкали никогда.

Мы чистили их от лесных заносов —
От игл сосновых, от сухой листвы —
И одевали в камешки юткосы,
Заборчики вставляли на посты.

Но здесь заборчик кем-то в воду вмятый.
На колышке сигнал: «Не пить. Нитраты.»
А зной печет, и горизонт во мгле.

И я стою с поникшей головою,
Как будто бы покойник предо мною.
И неуютно стало на земле.

* * *

Синиц вы приучили есть с руки,
Природа к единению стремится.
Друг другу, значит, мы не чужаки.
Но люди осторожнее, чем птицы.

Глядим в глаза, звучанье ловим слов,
Подспудно мысль подспудную приметить
Пытаемся под лепет языков...
О эти с вами сросшиеся сети!

А внешне все пристойно, хоть куда,
Как будто сердце с сердцем хочет слиться.
И кажется укором мне всегда
Доверчивость беспомощной синицы.

СОБОЛЬ

Хоть я и пугливый и быстрый,
Судьбе своей наперекор,
Когда не достал меня выстрел,
Подслушать решил разговор
Охотников двух бородатых.
Стрелявший сказал: «Оплошал.
Не шкурка умчалась куда-то,
А золото я потерял.»
Что мех мой хвален многократно,
Я знаю. Но то, что он стал
Еще золотым. . ? Непонятно,
О золоте я не слышал.
Но если уж так называют,
Зачем, рассудить не могу,
Меня из тайги выживают,
Круша беспощадно тайгу.

* * *

Христос, стою пред тобой,
Распятым на кресте кровавом,
С такую горестной душой,
Как будто и она судьбой
К кресту гвоздем прибита ржавым.
Ты смертью искупил своей
Греховность нашу в жизни млечной,
И вот воскрес, чтобы людей
Учить любви и правде вечной.
Из века в век Россия шла,
В душе храня твои заветы,
И не один народ спасла,
Собою жертвуя при этом.
Тебя предавшие, Христос,
В потомках вновь живыми стали:
За все, что русский перенес,
Россию словно бы распяли.
Но им Россия не чета —
Ее душа щедра, чиста,
В любви и дружбе беззаветна.
Она, как ты, сойдет с креста,
Она, как ты, Христос, бессмертна.

* * *

Вновь на Руси звонят колокола.
И звон плывет раскатисто и вольно,
Прощая нас, их бравших в удила
И яростно срывающих с колокольни.

Нам верилось, что разбивали медь,
А оказалось, рушили другое:
Сердца с годами стали каменеть,
Добро тускнело, побеждало злое.

Мы заповеди все повергли в прах,
И потому не видно в жизни лада,
Как будто все на разных полюсах
Живем, хотя мы рядом, рядом, рядом.

Звон падает из неба глубины,
И древний он, и вдохновенно молод.
Мы, кажется, не только прощены,
Есть вера в нем, что в нас растает холод.

СТРОКИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Убежденность

Это слово лишь тогда достойны
Мы зачислить в свой душевный вклад,
Если оно выглядит обоймой,
Вложенной пред боем в автомат.

О доброте

Все чаще слышу: надо добрым быть.
Не возражаю — доброта чудесна.
Про ненависть бы только не забыть
К тому, что и враждебно, и бесчестно.

Белая зависть

Я белой зависти не признаю.
И как не выставляла бы упорно
Передо мною белизну свою,
Она ей-богу, родственница черной.

Счастливые

Я слышу говорят: — Счастливые они!
И даже зависть видится на лицах.
Припомнили бы их в другие дни,
Когда рубаха потная дымится.

Думающему лишь о себе

Когда живешь одним, чтоб лишь тебе везло,
И что ни день, тебе все больше надо,
Как сорняки тогда, растет на свете зло,
Добро растет тогда медлительнее сада.

Прислушайся

Хвалу в свой адрес слыша повсеместно,
Ты не впадай в восторженную прыть:
Сумей, как дирижер в большом оркестре,
Малейшую фальшивость уловить.

Жизнь требует

Жизнь требует, чтоб все в ней было ново.
И люди хоть и верят: так и быть,
Сказать порой трудней им правды слово,
Чем подвиг героический свершить...

Карьеристу

Ты многого достиг, но вот каким путем?
Об этом, знаешь сам, не сочиняют оды.
А мы работаем упорно день за днем,
Свободно говорим, что на душе несем,
Твоя душа давно не ведает свободы.

Перед нивой

Жжет щеку ветерок. Лес дальний как во мгле.
Под нивой зреющей я — городской прохожий.
Колосья тучные склоняются к земле
И словно говорят:
Ты поклонился б тоже.

* * *

Построил человек красивый дом,
Сад вырастил на удивленье людям,
Но горбится хозяин с каждым днем
И понимает то, что скоро будет.

Детей уже настигла седина,
И внуки пробивают в жизнь дороги,
А в доме только он и тишина,
Зачем ему душевные тревоги?

Он говорит:

— Не дом, а благодать!

Все будет ваше, лишь усну в могиле... —

Но невдомек ему, что надо отдавать,

Покуда руки не остыли.

* * *

Дается все с трудом, когда душа в движенье.
Чтоб, видя пред собой авторитет пустой,
Вдруг выдать на-гора о нем прилюдно мнение —
Не легче, чем шахтеру уголь свой.

Иль в час торжественный, когда, как жизни мету,
Вручают ордена под оркестровый пыл,
Подняться и сказать: «Друзья, награду эту
Принять я не могу, ее не заслужил».

Непросто и тому, кого начальник хваткий
Решил, как и вчера, кинжальным взглядом
сбить,
Не отвести глаза и в молчаливой схватке
Глаза кинжальные заставить опустить.

А горькие простить обиды человеку,
От неудач спасти, что лишь тебе видны?
Для этого душа должна быть не калеккой —
С морской глубиной и с чуткостью струны.

Когда б ты мог всегда, раскованно и просто,
Душевных и на миг не напрягая сил,
Поднявших выше тех, с кем жил и даже рос ты,
В глазах их быть таким, каким и раньше был.

О если б это все, чем может жизнь гордиться,
К нам приходило так, как с неба снег и дождь...
Но сколько надо раз за краткий век родиться!
Ты сам себе судья, герой, и бог, и вождь.

У ТЕЛЕВИЗОРА

В кошельке у бабуся скупю,
Может быть, он совсем пустой.
И даст ей тарелку супа,
Не назвав цены никакой,
Частник с денежною сумой.

А в кафе красота, конечно,
На столах цветы, белизна,
И едят похлебку неспешно
Все такие же, как она.

Утирает бабуся губы
Дрожью меченною рукой,
Говорит хозяйну: «Любо.
Благодарствую. Бог с тобой».
В строгой рамке телеэкрана
И другие со всех сторон,
Как небесной отведав манны,
Ему низкий кладут поклон.

Вот где совести нашей вызов!
И на это глядя в упор,
Был готов разбить телевизор,
Чтоб не видеть такой позор!
Ведь они в ледяной блокаде
Очень дальней Победы ради
В голодухе встали к станкам.
И старели не по годам.
И не к каждой, тоской томимой,
Возвратился с войны любимый.
И опять приросли к станкам.
И старели не по годам.
Что ж, за боль и труды старушки
Бродят в жизни, как побирушки,

Не встречая тепла, привета,
Озабоченный пряча взгляд?
Никогда не простят нам это,
Никогда они не простят!

* * *

Мне показалось: чайки, над кормою
Кружась, восторг передают ветрам,
Летят за рукотворной красотой,
Идущей величаво по волнам.

Но появился повар в куртке белой,
Объедки за борт выбросил, и вот
На них метнулись чайки обалдело,
Мгновенно позабыв про пароход.

Я улыбнулся: Фантазер, мальчишка,
Что можно ждать от птичьего умишка, —
Его влечет лишь даровой кусок.

Сшибались над добычей с криком стайки.
Когда б такими были только чайки,
Вовек не написал бы этих строк.

* * *

Усталость к нам крадется как по пыли,
Ее шаги не слышны никому,
Она и на работе, и в дому,
И, что ни день, она все больше в силе.

Но сердцу с ней не хочется смириться.
Мы делаем свое, она — свое.
И все-таки дыхание ее
Наводит бледноватый цвет на лица.

А жизнь с рассвета боевой трубой
Гремит, чтоб увести нас за собой,
Повсюду одержимая деаньем.

Шагай за ней, пока хватает сил.
Идешь — ты есть, отстанешь — скажут, был.
Упорство в поединке с увяданьем.

* * *

Лгунам я не завидовал вовек,
Хотя им в жизни и везет порою.
Нередко их словесный фейерверк
Считает Кое-кто ума игрою.

Со стороны посмотришь на лгуна:
Самоуверен, счастлив и спокоен,
И, кажется, он искренен до дна,
Из истины одной как будто скроен.

А если в душу заглянуть к нему,
Откроется сумятица такая!
Не помнит, что шептал он одному
И что другим, на первого кивая.

Идет под вечер кругом голова,
И долго сон не сходится с глазами,
И сказанные на ухо слова
Над ним всю ночь качаются мечами.

* * *

Помог ты другу горе сокрушить.
И хорошо. Но вижу: ждешь отплаты.
А я-то думал, это от души!..
Видать, душа запряталась куда-то!

Взамен ес, выходит, ты воздвиг
Прибор нехитрый, родственник безмену.
Он помощь другу взвешивает вмиг
И, как на рынке, объявляет цену.

Но не богатство множит твой расчет:
Число потерь — жизнь поступает честно.
Когда ж опять в тебе душа займет
С рожденья предназначенное место?

* * *

Мы часто не шадим друг друга —
Бьем словом, тяжким взглядом бьем.
Ни сожаленья, ни испуга
В себе не чувствуем притом.

Мне скажут: «Это как ограда
Житейской правды — служим ей».
Служить, конечно, правде надо,
Но помни: правда для людей.

И потому в часы любые
Ты и служи ей по-людски,
Чтобы слова твои прямые
Не били пулями в виски.

Но все идет само собою:
Огонь туда, огонь сюда.
И вот уж сердца перебои,
И голова совсем седа.

А там глядишь, и послесловье —
Последний вздох, последний взгляд...
И больно слышать, как с любовью
О нас, ушедших, говорят.

* * *

Рубином окрасила волны заря.
Клокочущий пеной прибой
К ногам твоим бросил кусок янтаря, —
Бери, мол, подарок морской!

Ты держишь его на ладони своей,
Как солнца спрессованный свет.
Смотри, удивляйся —
Не стал он темней
За многие тысячи лет.

Вот если бы каждый,
Пройдя сквозь года,
Изведав и солнце, и хмарь,
Душою своей оставался всегда
Похожим на этот янтарь.

* * *

Промчался катерок,
Вспугнув покой.
Ко мне волна спремится
За волной,
Свинцовая,
Как надо мною небо.
А катерок —
Он словно здесь и не был.

Так слово,
Горьких полное обид,
Сорвется с уст,
Мгновенно прозвучит
И пропадет.
Но, как волна о сушу,
Кому-то долго
Будет биться в душу.

ДОБРОТА

Все кажется просто: пришла, помогла
Советом, услугою, окромным рублем,
И после ни разу не вспомнишь о том.
Такая ты есть и такую была.

Считают живущие рядом с тобой:
На сердце твоём даже облачка нет.
Тебе же, под грузом скопившихся лет,
И трудно, и грустно, и больно порой.

Что б ни было, так ты встречаешь друзей,
Как будто они твое счастье жуют,
За это всю душу свою изольют —
Удачи и горести прожитых дней.

И чувствуют, словно незримый родник,
В сердца проникает твоя теплота.
Ты смотришь такими глазами на них,
Что кажется — смотрит сама доброта.

* * *

Ты столько лет молился на него!
Его словами говорил порою,
К тебе его манеры приросли,
И это все ты не считал игрою.

Ему повсюду воздавали честь
Подарками, услугами, речами.
И у тебя кружилась голова,
И ты, как он, парил над облаками.

Но воздух — ненадежная среда
Для человека. Человек не птица.
Он словно камень на землю упал,
А ты сумел удачно приземлиться.

И вот теперь уже другим богам
Поешь хвалу, теряя чувство меры,
И чтоб в тебе признали своего,
Старзешься усвоить их манеры.

* * *

Перед Петропавловским собором,
Запрокинув головы, стоим,
А туман, замешенный над морем,
Шпиль укрыл и ангела над ним.

Рвется ввысь прожекторов свеченье,
Угасая в месиве сыром.
И куранты, словно в заточенье,
Глухо отбивают: бом, бом, бом...

Вот и мы накрыты мутным валом.
Фонарей чуть видятся огни.
Города — как будто не бывало,
Из живых как будто мы одни.

Все же непроглядней мглы небесной
Люди, вечно прячущие взгляд.
Что они в душе своей таят?
А туман скрывает что — известно.

* * *

Географическая карта
С отметкой огненных дорог.
Прошли по ней флажки двукратно —
И одряхла от следов.

А на земле война врубала
Такие страшные следы,
Что нам порой казаться стало:
Не вырвать землю из беды.

Земля не карта; сердцу внемля,
Ее не сменишь в трудный час.
И каково-то было землю
Нам возрождать в который раз!

Припомнишь все, и боль былая,
Как прежде, нестерпимо жжет,
Ей, видно, нет конца и края,
Пока живу — она живет.

* * *

Жизнь порою такое подбросит,
Что наутро появится проседь.
Значит, горем других ты не жил,
Значит, душу не закалил.

Я давно в одной мысли упорен,
С ней иду по дорогам крутым:
Чтоб не слаться пред собственным горем,
Научись справляться с чужим.

* * *

Очень просто того обмануть,
Чья судьба и честна, и пряма,
Лишь тепла ему надо чуть-чуть —
И душа распахнется сама.

Это вижу я за день не раз,
И горжусь, и смиряю свой пыл:
Я боюсь, чтобы кто-то из нас
В эту душу ногой не ступил.

* * *

В людском потоке, с думой о делах
Я двигался, кляня свою усталость.
В витринных стеклах, словно в зеркалах,
Склонясь на вечер, солнце улыбалось.

Усталость вдруг оставила меня...
Передо мной шла женщина такая,
Что, сразу позабыв тревоги дня,
Пошел за ней, пошел, куда не зная,

Меня вела под взглядом этажей
Совсем не сила плотского закона,
Что ослепляет иногда людей.

Казалось мне:
Сикстинская мадонна,
Сойдя с картины, вышла на проспект,
Улыбкой чистой одаряя встречных...
Я так жалел, что Рафаэля нет! —
Она сестра его мадонне вечной.

И если б хоть на миг, за ней спеша,
Я страстью опалил себя слепую.
Наверно, разучилась бы душа
Сливаться с настоящей красотой.

IV

РОЖДЕННОЕ
ЛЮБОВЬЮ.

* * *

Отслужив на белом свете,
Все оставлю, пусть берут
Книги, вещи, строчки эти.
Там зачем они? А тут
Пригодиться могут людям.
(строчки ставлю под вопрос)
И никто вовек не будет
Знать, что я с собой унес.
Только ты запомни свято,
Покорясь иной судьбе:
Твое сердце, взяв когда-то,
Не верну его тебе.

* * *

Улыбаешься кислой улыбкой,
И в глазах твоих нет огонька,
Видно, ты наглоталась с избытком
Из реки под названием тоска.
Часть тебя на работе осталась, —
Так расчет мы ведем с каждым днем,
Неизбывную вижу усталость
Я в движении каждом твоём.
А желанье: уткнуться в подушку
И заснуть до скончания дней.
И наверно бы снилось удушье
Бесконечных очередей.
Жизнь уходит, не зная радуг,
Безпощадно надежды круша,
И за все тебе злая награда —
Истомленная в годах душа.

* * *

Что тяжелее может быть,
Когда ушел из жизни человек, с которым
Был сердцем слит, как с берегом вода
Реки, спешащей к голубым просторам.

Еще недавно верил: эту связь
Ничто не в состоянии нарушить . . .
Но где река, бежавшая искряться?
Пустое русло только смотрит в душу.

Идя по жизни, думалось, иду
Дном илистым, и путь совсем неведом.
Такое можно видеть лишь в бреду.
Ей-богу, жизнь в те дни казалась бредом.

Как друга, заглянувшего в окно,
Увидел я, в своем оцепененье,
Твое лицо, знакомое давно,
Твоей души нежданное движенье.

Еще не знал я, что скажу тебе
Слова, которых искреннее нету.
И все ж почувствовал: к моей судьбе
Пытается пробиться лучик света.

И отступал пред ним тяжелый бред.
И жизнь, ломясь, в мои кричала двери:
«Живи, покуда сердцем ты не сед,
Как испокон веков с рекою берег».

* * *

Глаза твои так же, как уголь, черны,
Добытый из тяжелой земной глубины.
Наполнив углем охлажденную печь,
Его еще надо с уменьем разжечь,
Дежурство у печки нести и не раз
Заглядывать в топку, чтоб он не погас.
Глаза твои — друга и верной жены —
С рождения были уже зажжены.
И с этого дня лет немало прошло,
Они излучают и свет, и тепло.
И не потому ль в свете этих огней
Не гнут меня выюги нерадостных дней.
Я только молю об одном, чтоб слеза
Твои погасить не могла бы глаза.

* * *

Хотел бы я не потерять сознание
В минуты расставания с землей.
Не для того, чтоб близким в назиданье
Заговорить вдруг мудростью самой.

А для того, чтобы тебе, родная,
Вблизи узрев ХАРОНОВУ ладью,
Сказать, руки твоей не отпуская:
Как я любил и как тебя люблю.

* * *

Стал я скрытен, извини за это,
То, что я пишу — не напоказ.
Ты еще наплакаться успеешь,
Лучше улыбнись мне лишний раз.

Дни теперь становятся короче,
Жизнь моя таким подобна дням,
Только равноденствие едва ли
Доведется вместе встретить нам.

И на все, что на земле прекрасно
С жадностью смотрю опять, опять,
Словно там, за роковой чертою
Это буду вечно вспоминать.

Но прекрасней нет твоей улыбки,
Без нее чем стала б жизнь моя?
Если даже лишь ее запомню,
Все заменит, что оставлю я.

* * *

Не думалось и не гадалось,
Но вот полярною весной
За все печали и усталость
Награда мне твое письмо.

И вновь прошли передо мною
На фоне грусти и боев,
Нева с волною голубою,
Лицо счастливое твое.

* * *

Грохочет время ураганом.
Давай поставим на своем:
Осушим тысячи стаканов
И песен столько же споем.
Вино, что выпьем — не готово,
И песенная ткется нить,
Пусть бродит хмель и крепнет слово,
Мы подождем. Куда спешить?

* * *

Я тебя опять ищу по свету
Где ты запропала? Появись
Словно нареченная планета,
В бурях освещающая жизнь.
Ты меня не слышишь. Что такое?
Сердце надывается в груди
Нет ему ни ласки, ни покоя,
Нет ему надежды впереди.

НАЕДИНЕ С ЦВЕТАМИ

Толкуют, что садовые цветы
Неравнодушны к ласковому слову.
Утрами с ними рассуждаешь ты
И в час полива рассуждаешь снова.

Ты даже замечаешь, что они
День ото дня становятся все краше,
И говоришь: К соседу загляни,
Такие ж там цветы, но ярче наши.

Будь верной нянькой пламенных цветов.
Чудесную не разрушать же сказку.
Но, если и цветы ждут теплых слов,
Что может человек в ответ на ласку?

* * * •

Кустистая мальва всех выше и краше
Над флоксами в росном сверканье стоит,
Цветы ее, словно антенные чаши,
На стеблях краснеют, нацелясь в зенит,

И кажется мальва и солнце, приветы
Друг другу в рассветной послав тишине,
Ведут разговор об осенних приметах,
На ведомой им только строгой волне.

* * *

Учусь быть щедрым у тебя одной.
Прозящего не отошлешь с порога,
Хотя, быть может, у тебя самой
Того, что отдаешь, не так уж много.

Щедра ты потому, что за века
Никто не лил так часто слезы в горе:
Их собери — появится река,
А там, глядишь, и разольется море.

Не можешь видеть слезы ты в глазах
У тех, кто надрывается в трудах,
Какого цвета ни была б их кожа.

И ты творишь в бессонных мастерских,
Не только для себя — и для других
Свои богатства год от года множа.

* * *

Она и он, прильнув друг к другу,
Идут, друг другу стиснув руку,
И кажется им, что они,
Где ни идут, везде одни.
Что город — каменная ода —
На радость им в подарок отдан,
К мостам бегущая река
Для них примчалась сквозь века,
И что деревья в каждом парке
Для них свои сплетают арки,
И даже солнце, и оно
Во имя их вознесено.
Иду с улыбкою за ними,
Как по счастливому пути.
Всю жизнь пройти бы им такими,
А вот сумеют ли пройти?

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

Наступило время марев.
Тучки в небе нет.
И цветет иван-да-марья —
Вездесущий цвет.

Два цветка с отливом шелка
Выросли рядком:
Фиолетовый и желтый
На стебле одном.

Что волшебница природа
Думала в свой срок,
Выводя такого рода
На земле цветок?

Может, если людям худо,
Хочет им внушить:
Не бывает жизнь без чуда,
Чуду вечно быть.

Может быть, на мысль наводит:
Помни, мол, о том,
Что покуда рядом ходят
В жизни зло с добром.

А верней, ему влюбленных
Убеждать дано,
Чтоб два сердца непреклонно
Бились как одно.

* * *

Как будто кто-то нашептал тебе,
Что у меня в душе опять смятенье,
Хоть моего лица в немой борьбе
Оно не изменило выраженья.

Но, чувствуя, что это не пустяк,
Меня не отдаешь судьбе на милость:
Ко мне подходишь ты и так и сяк,
Узнать пытаешься, что же приключилось.

Наверно, между мною и тобой
Давно установилась связь такая,
Как между бурным солнцем и землей,
Где вспышка отзывается любая.

И как земле не по себе подчас,
С меня ты, мучась, не спускаешь глаз.

ЛЮБОВЬ

Нет ее величавей,
Нет ее беспощадней —
То попутчица к славе,
То причина молчанья.

Вот стоит предо мною,
Зову сердца внимая,
И строку за строкою
Из души вынимает.

Мчится ветром залетным
Над палитрой цветущей,
Оживляя полотна
Правдой самую жгучей.

Вдруг окажется ночью
В кабинетах ученых,
И становится мощью
Плод раздумий бессонных.

Если ж с грустью нет сладу.
Сердце сердце не греет,
От любимого взгляда
В душу холодом веет . . .

И тогда — до рассвета
(словно песня застыла)
На пере у поэта
Высыхают чернила

И художник не может
Ладить с кистью, как прежде,
И ученого тоже
Покидают надежды . . .

Жизнь все новою гранью
Предстает пред глазами.
И любовь, и дерзанье
Вечно сплавлены с нами.

* * *

Я с тобой пройду до последнего дня,
До последнего в жизни порога,
Словно честь, к тебе чувство большое храня
И высокую веру, как в бога.

Ты пытаешься в том же меня убедить.
На плечо кладу руку — не надо.
Я же знаю: ты можешь без слов говорить
О любви — улыбкой и взглядом.

На детей возмужавших с удивленьем в глазах
Смотрим мы, пожимая плечами:
Наше слово для них как взметнувшийся прах.
Мол, и сами теперь мы с усами.

Дай им бог разуменья, здоровья и сил
Равнодушие это разрушить.
Век суровый детей чересчур наделил
Удручающим холодом в душах.

Мир шумит, а мы словно на свете вдвоем.
Не считает нас жизнь должниками.
Радость тихую мы, словно дом, бережем,
Вместе мы, и она вместе с нами.

* * *

О, сколько их, красивых, на планете!
И все-таки,
Хоть красота сильна,
Для каждого из нас на белом свете
Таится где-то женщина одна.
Она как все.
Но что-то отличает
Ее в кругу знакомых и подруг,
И это,
С нею встретившись случайно,
Поймет лишь тот,
В ком сердце вспыхнет вдруг.
Но кто она?
И где она?
Попробуй
Единственную тропку к ней найти...
И очень может быть,
Что им до гроба
Не суждено скрестить свои пути...
Уже глядит не парнем он,
А мужем.
И матерью подругу стали звать.
Но женщина —
Которой он так нужен! —
Его упорно продолжает ждать.
Не дай бог ни в весельи,
Ни в печали,
В какой-то миг,
Вдруг глянув на жену,
Чтоб не спросил себя:
Она — она ли?..
А спросит —
И любовь пойдет ко дну...

Над ним пусть небо будет вечно ясно,
Пусть мир и лад ведут семью в года.
Но женщину,
Что ждет его напрасно,
Жалеть не перестану никогда.

* * *

Говорят, кто жизнь достойно прожил,
Чувств своих не расплескав при том,
К старости становится похожим
На подругу верную лицом.

Вот они вышагивают рядом,
Под руку друг друга крепко взяв,
Удивленным их встречают взглядом,
Разговор невольно оборвав.

Выдумкам природы нет предела, —
До сих пор загадками полна.
Только все же, что сказать хотела
Этим сходством мудрая она?

Верится: когда она гордится
Постоянством искренним людей,
Словно бы родство кладет на лица
Силою волшебною своей.

* * *

Один я не многого стою,
Зато как сильны мы вдвоем!
Пусть горе — осилим с тобою,
А радость — друзей позовем.

Наверно, друзья не осудят,
Что горе скрываем порой.
Беречь надо ревностно людям
Товарищей верных покой.

Они о себе забывают,
Печалюсь печалью других,
И сердца частичка живая
В те дни отмирает у них . . .

Но если надломит несчастье, —
Что делать?! —
Покличем друзей,
Делили с которыми часто
Мы радости жизни своей.

СОДЕРЖАНИЕ

I. БУДЬ СОБОЙ

Если я не вернусь из больницы	7
Холод, неуютность — все знакомо	8
Преодолев земное притяжение	9
Мы говорим: Когда б десяток лет	10
В нашей жизни нелегкой сердцем словно немеем	11
Обиду, как гвоздь, в твою душу забил	12
Часы и дни, я знаю, никогда	13
В восторге что угодно померещится	14
Бери от жизни все, что только можешь	15
Вчера штормило. Ветер выл по-волчьи	16
Жизнь, как экспресс, и день и ночь в пути	17
Я слышу: как красива седина	18
Взмахнул рукою дирижер селой	19
Стеной летят снегов куски	20
Под окном поет сивизца	21
О, если б не стихи, жилось бы как — не знаю	22
За каждый день теперь благодарю	23
Уходит жизнь, как облако косматое	24
Ночь	25
Ленинград	26
С усталостью ведем мы вечный спор	27
Фобос	28
На свете земли есть куда красивой	29
Во мне течет и силу в сердце множит	30
Я много раз твой покидал порог	31
С утра до вечера нас окружают люди	32
Плетется старость за тобой и мной	33
Сосна (по латышски — приеде)	34
Взрыв плотины	35
Будь самим собой	36
Не все проклинаяте, что было	37
Невелик еще покуда рост твой	38
И мысль великую вберет в себя строка	39
По асфальту мокрому иду я	40
Россия	41
О чем бы мы теперь ни говорили	42
Ах, реки Черные, ах, речка Оккервиль!	43
Самсон	44
Искристый иней рощу оковал	45
Когда зрачки снуют, как челноки	46
Представь: гигантские весы перед тобой	47
Мне по сердцу не ветер верховой	48
Жалеть меня не надо в трудный час	49
Большой реке дана большая слава	50
Есть мудрость равнодушных: ни к чему	51
Я в жизни духом падать не привык	52
В туман рассветный вплыл осенний сад	53

Это замечаю я порою	54
Мы вошли в политику, как в воду	55
Я смотрю на небо поздней ночью	56
Весной	57
Наедине с цветами:	
Гладиолусы	58
Пионы	59
Шиповник	59
Есть в словах всетворящая сила	60
Костер	61
Поэзия, известно, не забава	62
Жизнь восхищает и тревожит взгляд	63
Злость не красит людей	64
Кукушка	65
Мы часто не щадим друг друга	66
Обидели тебя или обманули	67
Мечта	68
Неудача	69
Друзья смеются и не верят мне	70
Окно	71
Памятник Пушкину в Сочи	72
Памяти Бориса Корнилова	74
Ленинград 1941 г.	76

II. БОЕВАЯ ВАХТА

Ты идешь по городу. Все тает	79
Зенитки смолкают. И город ролной	80
Блокадные строки	
Друзья зайти не успевали	81
Слепая тьма	81
Проекта настороженную ширь	82
Я проходил вчера здесь	82
Два моря прошли туда и сюда	83
Буфет к себе настойчиво зовет	84
Возвращение	85
За два часа до боя	87

III. СОВЕСТЬ

Рок-концерт	91
Доносы	93
Телевидение окно открыло	94
Страшнее нет веры слепой	95
Ах как верили мы в его каждое слово	96
Когда на деловой волне	97
В эти черные дни, нагруженные горем	98
Венки на Неве	99

Протянутой руки не оттолкни	100
Все «долой», а «Да здравствует» что же?	101
Мы запригаем долго, едем быстро	102
Из родничков кристальных, словно слезы	103
Синиц мы выучили есть с руки	104
Соболь	105
Христос, стою пред тобой	106
Вновь на Руси звонят колокола	107
Строки из записной книжки	108
Построил человек красивый дом	110
Дается все с трудом, когда душа в движение	111
У телевизора	112
Мне показалось: чайки, над кормою	114
Усталость к нам крадется как по пыли	115
Лгунам я не завидовал вовек	116
Помог ты другу горе сокрушить	117
Мы часто не щадим друг друга	118
Рубином окрасила волны заря	119
Промчался катерок	120
Доброта	121
Ты столько лет молился на него	122
Перед Петровским собором	123
Географическая карта	124
Жизнь порою такое подбросит	125
Очень просто того обмануть	126
В людском потоке, с думой о делах	127

IV. РОЖДЕННОЕ ЛЮБОВЬЮ...

Отслужив на белом свете	131
Улыбнешься кислой улыбкой	132
Что тяжелее может быть	133
Глаза твои так же, как уголь, черны	134
Хотел бы я не потерять сознание	135
Стал я скрытен, извини за это	136
Не думалось и не гадалось	137
Грохочет время ураганом	138
Я тебя опять ищу по свету	139
Наедине с цветами	140
Кустистая мальва всех выше и краше	141
Учусь быть щедрым у тебя одной	142
Она и он, прильнув друг к другу	143
Иван-да-Марья	144
Как будто кто-то нашептал тебе	145
Любовь	146
Я с тобой пройду до последнего дня	148
О, сколько их, красивых, на планете!	149
Говорят, кто жизнь достойно прожил	151
Один я не многого стою	152

Георгий Александрович Некрасов
НЕ ПРОЙДИ МИМО ГОРЬКОЙ ПЕЧАЛИ
Стихи

Художник Михаил Ефремович Новиков

Сдано в набор 13.01.92. Подписано к печати 25.02.92. Формат 60×84. Бумага писчая № 1. Гарн. литературная. Печать высокая. Печ. л. 5. Тираж 5000. Заказ № 56. Цена договорная

МП «Типография профсоюзов». 195147, Санкт-Петербург, Рузовская ул., 16.